ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1−192(091)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-45 ГСНТИ 17.82.09 Код ВАК 10.01.01

С. И. Ермоленко
Екатеринбург, Россия

«НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ»: «ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДВА ВЕКА» (Рецензия: Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох: [монография] / [сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 652 с.: ил.)

Ключевые слова: рукописные сборники; русские песни; поэтические тексты; рецензии; европейские романсы; эмоциональная культура.

S. I. Ermolenko
Ekaterinburg, Russia

«TURNING POINT OF EPOCHS»: «MANY YEARS FROM NOW» (A review of the monograph Russian Song and European Lyrical Song in the Handwritten Collection of the Beginning of the XIX century: Emotional Culture at the Turn of the Century, written by L. S. Soboleva, O. A. Mikhailova published in Ekaterinburg in 2017)

Keywords: handwritten album; Russian songs; poetic texts; review; European romantic songs; emotional culture.

Рецензируемое издание представляет собой впервые осуществленную публикацию уникального рукописного сборника лирических песен и романсов, хранящегося в собрании редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В. Г. Белинского, составленного и подготовленного к печати доктором филологических наук, профессором Уральского федерального университета Л. С. Соболевой и магистрантом филологии О. А. Михайловой.

Сборник датируется составителями вторым десятилетием XIX века, что с достаточной степенью точности устанавливается на основе экспертизы филиграней с обозначением двух дат «1813» и «1814» [Русская песня 2017: 542][1], знаменательных в истории не только России, но и Европы. То было время, когда после окончания Отечественной войны начался Заграничный поход русской армии, довершивший «поражение неприятеля на собственных полях его» (М. И. Кутузов) и освободивший страны Западной Европы от французских завоевателей. Эта эпоха, когда пробудилось национальное самосознание, а русская культура получила мощный толчок в своем развитии, справедливо названа составителями «переломной».

На основании проведенного палеографического исследования составителями было установлено, что все записи в сборнике принадлежат трем писцам, вероятно, разного возраста, с разной «степенью профессионализма» и разным «временем формирования писцовых навыков». Бо́льшая часть текстов записана писцовым почерком XVIII века (скорописью), которая перемежается с «более поздними почерками различной степени квалификации» (образцы записей приведены в сборнике).

Наряду с фольклорными текстами в сборник входят песни и романсы книжного происхождения без указания авторства, что свидетельствует о сохранении в читательской среде «идущего издревле» «равнодушного отношения к личности создателя текста» (546)[2]. Составители предприняли попытку атрибутирования текстов, установив принадлежность ряда произведений как известным (М. В. Ломоносов, М. М. Херасков. И. А. Крылов, А. Ф. Мерзляков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев, И. Ф. Богданович. Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин), так и ныне малоизвестным или просто забытым поэтам допушкинского периода (А. В. Аргамаков, Д. И. Вельяшев-Волынцев, М. В. Зубова, И. А. Кованько, С. М. Митрофанов и др.), возвращая последних в историю русской литературы и выполняя, таким образом, важную культурную задачу. При этом составители фиксируют многочисленные отступления в «авторских» текстах от их печатных вариантов. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что, воспроизводя «книжные» тексты в рукописном сборнике, писцы ориентировались на «фольклорный тип восприятия» — «устную коллективную память, в которой фольклорные тексты перемежались произведениями литературного и театрального происхождения» (18), что характерно для складывающейся демократической культуры.

Рукописный сборник составлен «не по старинке», когда тексты распределялись между разными писцами «по тетрадям», которые потом сшивались в единое целое. Строгое распределение записываемых текстов по писцам здесь отсутствует. Составители сборника фиксируют изменение почерков «не толь-

[1] Далее ссылки на сборник даются с указанием страниц.

[2] Надо иметь в виду, что «проблема “своего” и “чужого”… в начале XIX в. осознавалась совершенно иначе, чем через полтора столетия» [Вацуро 2002: 51].

ко в границах листа», но и в границах записи одного произведения. А это, по мнению Л. С. Соболевой, свидетельствует о том, что сборник составлялся «в коллективе близких людей — либо живущих рядом, либо служивших вместе», «вкусы которых совпадали или дополняли друг друга» (544). На основании этого делается вывод о том, что в рукописном сборнике получает отражение новый тип отношений между людьми, именно тот *тип неформального дружеского общения*, который только формируется в начале позапрошлого века и который станет отличительной особенностью пушкинской эпохи с ее ярко выраженным «хоровым», диалогическим началом.

«Некоторая небрежность» внешнего вида рукописного сборника, «отсутствие какой-либо систематизации», то есть нарочитой формализованности, свидетельствуют, как указывается составителем, об «известной непосредственности», выражающейся в выборе и расположении материала: очевидно, что переписчики руководствовались личными пристрастиями, а порой даже и настроением, включая в сборник те произведения, которые, складываясь в «неповторимый эмоциональный узор», соответствовали их эстетическому вкусу, чувствам и переживаниям. Дошедшие до нас многочисленные дневники начала века и последующих десятилетий отражают, главным образом, внутреннюю жизнь дворянского сословия. В личностном подходе, который так явно демонстрируют писцы, Л. С. Соболева справедливо видит «главную ценность рукописного сборника»: он дает представление об эмоциональном мире, свойственном *демократическому среднему слою* русского общества начала XIX века, приобщавшегося к «тонкостям европейской культуры чувств», — того социального слоя, о духовной и душевной сферах жизни которого нам не так уж много известно. Кроме того, учитывая «уральские особенности стратификации», Л. С. Соболева полагает, что подобного рода сборник мог появиться «в военной среде или в кругах просвещенной горнозаводской администрации» (20), имевшей военный опыт (только что окончилась война с Наполеоном), «позиционирующей себя как институализацию нового времени» (545). В этом несомненная значимость предпринятого исследователями Уральского федерального университета труда, дополняющего и уточняющего представление об истории отечественной и, в том числе, уральской культуры.

В разнообразии идейно-тематического содержания сборника отражается «культурная многослойность» жизни общества той поры, картина которой пронизана «воздухом российских просторов и деталями российского быта» (19). В этой «многослойности», «калейдоскопичности» по-своему запечатлелся, по мнению Л. С. Соболевой, *«напряженный процесс становления культуры нового времени»* (20), когда в русском обществе активизируется интерес к народному поэтическому творчеству, а в литературе, испытывающей влияние фольклора, сложно сочетаются разные направления — уже теряющий свои позиции классицизм с его пафосом государственности, рационалистической концепцией мира и культом разума, торжествующий сентиментализм с его реабилитацией частной жизни и культом «чувствительного человека» и нарождающийся во взаимодействии с уже сложившейся европейской литературной традицией романтизм, утверждающий эстетическую значимость внутренней жизни неповторимой самоценной личности.

Сборник помогает понять, как под влиянием фольклора и книжной поэзии, ставшей достоянием коллектива, присвоенной народом, складывался и получал художественное воплощение новый тип мировосприятия, в котором переплетались сентименталистские и романтические тенденции, как формировался чувственный, эмоциональный мир тогдашнего человека. Если вся образованная Европа училась мыслить и чувствовать, читая эпистолярные романы («классические, старинные, отменно длинные, длинные, длинные») С. Ричардсона, Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гете, к которым чуть позже приобщится и русский читатель дворянского круга, то для демократической среды эту воспитательно-образовательную роль в формировании эмоционального мира человека будут выполнять рукописные и печатные сборники песен и романсов, в которых запечатлелись как выдержавшие проверку временем эстетические ценности, так и нарождающиеся в европейской и русской культуре новые веяния.

Тексты как в фольклорной части рукописного сборника, так и в «книжной» разнообразны по содержанию, эмоциональному спектру и даже рекомендуемой технике исполнения (последнее, впрочем, более характерно для «книжной» части): «Несколько отрывистой голос», «Голос протяжной», «Голос самой томной», «Голос приятный, любовный», «Голос унылой с порывами отчаяния», «Голос живой с некоторою томностью», «С томностью нежной», «На го[лос] “Поля, леса густые”», «На голос “Взвейся, выше понесися”» и т. д. Эти и подобные им комментарии («наследие XVIII века»), бережно сохраняемые составителями, несут на себе печать своей эпохи, вводя читателя в ее культурную атмосферу.

В сборнике содержится богатейший материал, который может стать предметом дальнейшего изучения. Попробуем показать это на некоторых примерах. Так, предметом размышления могут стать причины живучести ряда текстов, содержащихся в фольклорной части сборника, не утратившие своей художественной ценности и поныне, вошедшие в русскую музыкальную культуру еще в XIX веке или исполняемые современными народными песенными коллективами: «Ах, сени, мои сени…», «В темном лесе, в темном лесе…», «Как во городе было во Казани…», «Во поле береза стояла…», «По улице мостовой…» и др. Среди фольклорных шедевров, включенных в рукописный сборник, — народная песня «Не шуми, мати, зеленая дубровушка…».

Эту песню — через 20 лет — почти дословно воспроизведет А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» (1833–1836), сопроводив ее исполнение пугачевцами таким комментарием героя-повествователя: «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня… <…> всё потрясало меня каким-то *пиитическим ужасом*» [Пушкин 1950, VI: 474. Курсив наш. — С. Е.]. О том, какое

сильное впечатление производила на самого Пушкина, эта «простонародная» песня свидетельствует тот факт, что он включит ее также в неоконченный роман «Дубровский» (1833), где ее «во все горло» запоет один из «разбойников». Можно предположить, что писцы, выбирая для записи такого рода народные песни, также руководствовались вызываемыми ими «пиитическими» чувствами, что говорит об их сформированном эстетическом вкусе.

Особый интерес представляют «книжные» тексты, в которых заметно влияние новых литературных веяний и европейских заимствований, обнаруживающихся в новой, часто сентименталистской поэтике. Это видно уже по тем именам, которые получают герои и героини песен, еще чаще романсов. На смену Ванюшам, Парашам, Машам, Катюшам, Аннушкам фольклорных текстов приходят Юноны, Селесты, Лизеты, Милены, Плениры, Эльвиры, Хлои, Милоны, Миловиды, Ликасы, а то и просто «любезные пастушки» и «пастушки» и т. д.

Приметы типично «российского простора» с его «чистым полем», шумящей «зеленой дубровушкой», «кудрявой рябинушкой», «белой березой», «матушкой» Волгой, «утушками луговыми», «сизыми селезнями» сменяются условно-сентименталистскими «струйками», «ручейками», «нежными цветочками», «тенистыми кусточками», «поющими птичками», «воркующими голубками» и т. д. (особенно это свойственно песням-«пасторалям»). В сборник входит совершенно новая поэтика, ориентированная на воссоздание внутреннего мира нового типа личности — «чувствительного человека».

Наряду с текстами, свидетельствующими об освоении сентименталистского опыта, в сборник проникают и книжные тексты, в которых заявляют о себе новейшие тенденции. В качестве примера можно привести, например, романс «Надгробные стенания» (В. В. Капниста — представителя классицизма в русской литературе, позднее примкнувшего к сентименталистам), выполненный в уже зарождающейся жанровой традиции «унылой элегии», пик популярности которой приходится как раз на 1810-е — начало 1820-х годов, предвосхищая скорый расцвет романтической «элегической школы».

«Тьма нощи», «тишина», «печальная луна», «скорбь, объявша дух», «хладная могила», «вопль унылый», «вздохов стон», «прах милый», «ток слезной», «безмолвная тоска», «песня плачевная» — это буквально полный набор слов — «сигналов», условных поэтических формул, даже штампов, свойственных поэтике «унылой элегии» [См. об этом: Вацуро 2002: 48–110]. Это был именно тот поэтический язык, который оказался понятен демократическому читателю, близок массовой поэзии начала XIX века, что объясняет попадание такого свойства текстов в рукописные сборники. Так русский читатель приобщался к новой для него европейской культуре в ее русском демократическом переложении.

Или другой пример: в «простонародной» песне «Ах, ты поле мое, поле чистое!» можно уловить отголоски сюжета шотландской баллады эпохи раннего Средневековья «Два ворона» (*The twa corbies*) [См.: Английская и шотландская народная баллада 1988: 30], что говорит о его (сюжета) устойчивости, которая станет известна русскому читателю чуть позже благодаря пушкинскому переводу-переложению 1828 года «Ворон к ворону летит» [См.: Пушкин 1950, III: 76]. В той же балладной народной традиции создана «простонародная» песня «Уж как пал туман на сине море, на сине море», в основе которой предсмертный диалог «доброго молодца» («Он избит, изстрелян, изранен весь»), отдающего «наказ» своему верному другу — «доброму коню» — поклониться «отцу-матери», «молодой жене», передать «благославленье» «малым детушкам»… Известно, что именно баллада, возникнув в рамках сентиментализма, станет одной из ведущих жанровых форм в романтической поэзии — европейской, а затем и русской.

Наконец, можно заметить в сборнике и явления более позднего происхождения, в которых отражается закономерный процесс изменения художественного мировосприятия народа в новых социально-исторических условиях. На рубеже XVIII–XIX веков, отмечают исследователи фольклора, происходит, по существу, вырождение классической народной баллады как искусства трагического и возникновение иной жанровой разновидности — новой народной баллады. Новая народная баллада чуть позже — 20–30-е годы XIX века — будет испытывать воздействие со стороны возникающего городского романса, который, в свою очередь, позднее окажется близок так называемому «жестокому» романсу с присущим ему интересом к «кровавым» драмам социально-бытового характера на почве любви и ревности [См. об этом: Балашов 1963: 70–72; Лазутин 1965: 172–173; Померанцева 1974: 202–203 и др.]. И городской романс, и «жестокий» романс — явления, как уже сказано, более позднего происхождения. Однако тенденции, развитие которых приведет к возникновению данных жанровых форм, уже дают о себе знать, о чем свидетельствуют тексты, включенные в рукописный сборник. Эти тенденции обнаруживаются, например, в поэтике «простонародного» романса «Ах, когда б я то предвидела…». Скромная сдержанность народной лирической песни уступает место выражению «сильных» чувств, взятых из арсенала формирующейся поэтики жестокого («Ты умел, *злодей*, притворствовать, / Ты умел скрывать *чувства зверские*…»). Та же мелодраматическая патетика в романсе «Канареечка любезна…», в котором любовь трактуется как страдание и жестокие мучения («Скорбь за скорбию стремится, /…… / За слезой слеза катится / Боже, будет ли конец…»).

Наряду с образцами отмеченного выше типа в сборник включены произведения, отражающие совсем другой спектр чувствований, предназначенные для домашнего обихода, например «песни-поздравления», полные лукавого комизма и добродушного, теплого юмора.

В заключение остается добавить, что публикация рукописного сборника сопровождается предисловием и послесловием, автором которых является Л. С. Соболева. Если предисловие «Рукописный песенный сборник начала XIX в.: взгляд через два столетия» представляет издание, вводит читателя в

его эмоциональную атмосферу, то в основательной статье-послесловии «Фольклорная и светски-европейская традиции в картине чувств русского человека начала XIX в.» (538–575) на основании анализа материала, содержащегося в сборнике, делается вывод о его значении в истории отечественной культуры.

Публикация сопровождается научным комментарием, в который входят «Описание сборника», «Именной и географический указатель», «Указатель инципитов», «Словарь устаревших слов и выражений», «Список сокращений», «Список литературы», то есть то, что необходимо исследователю, занимающемуся национальной культурой и историей словесности.

И, наконец, последнее. Сборник выглядит очень достойно с полиграфической точки зрения (небольшой тираж — 200 экз. — компенсируется фактом размещения сборника в полном объеме на сайте журнала Quaestio Rossica в свободном доступе), снабжен иллюстрациями, относящимися к XIX веку, которые удачно подобраны кандидатом искусствоведческих наук Е. П. Алексеевым, что в немалой степени делает книгу привлекательной не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется историей своего отечества, представленной в «человеческом измерении» — через призму эмоционально-чувственного, поэтического мира человека «на переломе эпох».

ЛИТЕРАТУРА

Английская и шотландская народная баллада: сб. / сост. Л. М. Аринштейн. — М.: Радуга, 1988. — 512 с.

Балашов Д. Русская народная баллада // Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова / общ. ред. А. М. Астаховой. — М.; Л.: Сов. писатель, 1963. — С. 5–41.

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». — СПб.: Наука, 2002. — 240 с.

Лазутин С. Г. Русские народные песни. — М.: Просвещение, 1965. — 289 с.

Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс // Проблемы художественной формы: Русский фольклор. — Л.: Наука, 1974. — Т. 14. — С. 202–209.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 3. — 553 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 6. — 815 с.

Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох: [монография] / [сост., подгот. текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова]. — Екатеринбург, 2017. — 652 с.: ил. — (Б-ка журнала Quaestio Rossica).

REFERENCES

Angliyskaya i shotlandskaya narodnaya ballada: sb. / sost. L. M. Arinshteyn. — M.: Raduga, 1988. — 512 s.

Balashov D. Russkaya narodnaya ballada // Narodnye ballady / vstup. st., podgot. teksta i primech. D. M. Balashova / obshch. red. A. M. Astakhovoy. — M.; L.: Sov. pisatel', 1963. — S. 5–41.

Vatsuro V. E. Lirika pushkinskoy pory. «Elegicheskaya shkola». — SPb.: Nauka, 2002. — 240 s.

Lazutin S. G. Russkie narodnye pesni. — M.: Prosveshchenie, 1965. — 289 s.

Pomerantseva E. V. Ballada i zhestokiy romans // Problemy khudozhestvennoy formy: Russkiy fol'klor. — L.: Nauka, 1974. — T. 14. — S. 202–209.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. — T. 3. — 553 s.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. — T. 6. — 815 s.

Russkaya pesnya i evropeyskiy romans v rukopisnom sbornike nachala XIX v.: emotsional'naya kul'tura na perelome epokh: [monografiya] / [sost., podgot. tekstov L. S. Soboleva, O. A. Mikhaylova]. — Ekaterinburg, 2017. — 652 s.: il. — (B-ka zhurnala Quaestio Rossica).

Данные об авторе

Светлана Ивановна Ермоленко — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ermolenko-1@mail.ru.

About the author

Svetlana Ivanovna Ermolenko — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).